

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

M.H.SAMEDOV

Общеизвестно, что суд призван играть немаловажную роль в эффективном осуществлении международного права. Судебная власть содействует признанию и обеспечению применения международных норм. Суды существенно помогают определению, уяснению и развитию норм международного права, международно-договорного права с учетом потребностей общества, способствуют утверждению примата международного права, толкуя национальное право в благоприятном для международного права смысле.

Исключительно важна роль суда как одного из инструментов принудительного осуществления норм международного права. В зарубежных странах накоплен большой опыт судебного применения международно-договорных норм, причем одни юристы считают возможным их применять прямо при принятии судебных решений, другие – их большинство – после инкорпорации. Решение суда может быть основано на принципах международного права лишь при отсутствии регулирующего данный вопрос национального акта [1].

Применяя нормы международного договора к конкретным условиям, суд толкует их, уточняет и даже порою развивает их содержание. Поэтому судебные решения носят творческий характер. Особенно велико значение судебных решений в тех случаях, когда в международном договоре нет необходимой ясности, когда имеются пробелы. Своим авторитетом суд подтверждает определенное понимание правовых норм.

В деятельности суда непосредственно сталкиваются предписания национальной и международной правовых систем. Такое положение отличается сложностью и возлагает на судью серьезную ответственность. Будучи частью национального механизма осуществления международных норм, суд действует в рамках данной правовой системы, применяет предписания международного договора в порядке, установленном международным правом, в соответствии с ее целями и принципами, а также процессуальными нормами. Из этого видно, что применение судом предписаний международного договора преломляется через призму правовой системы государства, от которой зависят результаты всего процесса.

Следует также подчеркнуть, что выполнение судом своих функций требует обеспечения его независимости в правовой системе государства.

Судебная практика разных стран свидетельствует, что в силу своей независимости суды юридически не связаны мнением исполнительной власти по вопросам международного права. Вместе с тем по некоторым вопросам, таким, как факт существования иностранного государства в качестве субъекта международного права или определение того, какое из конкурирующих правительств представляет государства, позиция правительства обязательна для суда.

Судам хорошо известна практика обращения к международному договору для оспаривания законности актов иностранного государства. Но только в последнее время суды столкнулись с попытками использовать международный договор для оспаривания действительности актов собственного государства. Растет число случаев обращения в суд отдельных граждан или их объединений для защиты своих прав и свобод в соответствии с международными договорами, которые нарушаются их собственным правительством.

Особую сложность в данном плане представляет рассмотрение дел о правах и свободах человека. Поскольку речь идет о правах индивида, то именно суд призван играть главную роль в их толковании и применении. Однако в этой области правительства нередко стремятся ограничить компетенцию суда со ссылкой на то, что суд не должен вовлекаться в политику и нарушать принцип нейтральности судебной власти. Думается, однако, что обеспечение независимости суда при применении норм о правах человека в конкретных делах не только является необходимым условием реальности этих норм, но и содействует определенной «деполитизации» суда.

Что касается особенностей применения и толкования судами предписаний международного договора, то на этот счет существует принципиальное положение: суд непосредственно применяет нормы, инкорпорированные в национальное право, а не сами предписания международного договора, и делается это в порядке, установленном правом государства суда. Это естественно, поскольку национальное право, его нормы более пригодны для непосредственного применения. Они полнее учитывают социально-политические и правовые традиции страны. Наконец, национальное право неизмеримо ближе судьям, чем международное.

Констатируя национальный уклон в судебной практике, нельзя не обратить внимание и на иную тенденцию - идет процесс интернационализации правосознания судей. Суды все в меньшей мере могут игнорировать международно-правовые аспекты решаемых дел.

Признание приоритета международного права представляется общей тенденцией развития национального права. Свидетельством тому служат, прежде всего, основные законы современных государств. Все большее число современных конституций предусматривает приоритет международных норм и возможность их непосредственного применения наряду с национальным правом.

Уважение к международному праву нашло отражение, пожалуй, в наибольшей мере в правовой системе Голландии. Здесь предусмотрена возможность расхождения постановлений договоров даже с Конституцией. Противоречащее Конституции постановление договора должно быть одобрено парламентом большинством в две трети голосов. После этого суд применяет соответствующее постановление международного договора, а не противоречащую ему конституционную норму.

Относительно статуса международных договоров Азербайджанской Республики в рамках его внутреннего правопорядка в первую очередь следует отметить ст. 3 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, которая предусматривает непосредственное применение международных договоров. Представляется, что, поскольку ГК Азербайджанской Республики развивает положение ст. 10 Конституции Республики относительно того, что Азербайджанская Республика в своих отношениях с другими государствами руководствуется общепризнанными принципами международного права, то они, будучи включенными в ее правовую систему, также должны применяться непосредственно.

Принципиальная основа применения судами норм международного договора и национального закона едина. Вместе с тем существует и определенная специфика. Применение норм международного договора в конкретном деле заключается в:

- а) установлении фактических обстоятельств дела;
- б) правовой квалификации фактических обстоятельств, т. е. установлении того, подпадают ли они под действие норм международного права и если да, то каких именно;
- в) определении юридических характеристик норм, относящихся к делу, их сферы действия (речь идет о специально-юридическом толковании);
- г) установлении содержания норм, то есть общем толковании;
- д) принятии решения о способе применения норм к данным фактическим обстоятельствам;
- е) действиях по обеспечению реализации принятого решения.

Судами непосредственно применяются только так называемые «самоисполнимые» договоры. Законодательство разных стран применяет различные наименования: непосредственно применимые, непосредственно действующие, обязательные для всех лиц. Согласно ч.1 ст. 3 ГК Азербайджанской Республики международные договоры Азербайджанской Республики применяются непосредственно, «кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта»[2]. Все это подтверждает, что рассматриваемое понятие имеет практически всеобщее признание. Оно относится к договорам, постановления которых пригодны для непосредственного применения в рамках национального права и не нуждаются в уточнении при помощи издания специального имплементационного акта.

Естественно, возникает вопрос относительно самоисполнимости дого-

вора. В этом аспекте законодательство Азербайджанской Республики, как и большинства стран мира, следует тому принципу, что вопрос о непосредственной применимости договорных постановлений является вопросом договорного права в большей мере, чем права государства. Национальное право определяет общий порядок внутригосударственного применения международных договоров. Что же касается вопроса о применимости конкретного договора, его постановлений, то все зависит от их содержания, т.е. от договорного права. Содержание должно быть достаточно конкретным и способным порождать права и обязанности субъектов национального права и, следовательно, способным служить основанием для индивидуальных правоприменительных актов судебных органов.

Рассматриваемая проблема имеет особое значение для применения судами договоров о правах человека, так как в целом суды весьма осторожно относятся к признанию самоисполнимыми такого рода договоров. Во многих странах, включая США и Англию, суды не относят их к категории договоров прямого действия.

Так же непросто обстоит дело с договорами об экономических и социальных правах человека. Во многих странах содержащиеся в них постановления считают программными или целевыми установками. Этот момент в ближайшем будущем придется учитывать и азербайджанским судам, так как Азербайджанская Республика является участником Пактов 1966 г.. В этом аспекте интересным является конституционная практика некоторых стран Южной Европы. Так, если обратиться к новым конституциям Италии, Португалии и Испании, а также к практике их применения, то обращает на себя внимание различие между «основными социальными правами» и «директивными принципами». Под первыми понимаются права, которые гарантируют получение определенных материальных или духовных благ. Ядро этих прав образуют право на труд, право на образование, право на жилье и право на социальное обеспечение. Ко вторым относятся правовые нормы, определяющие общие цели политики. Не наделяя граждан правами, они устанавливают определенные минимальные стандарты для будущего законодательства и для применения права.

Наиболее полно социальные, экономические и культурные права изложены в Конституции Португалии 1976 г. Они сформулированы как субъективные основные права, однако четко отделены от традиционных прав и свобод. Последние гарантируются как непосредственно применимые индивидуальные права. Что же касается социальных прав, то государство будет содействовать их осуществлению путем постепенного преобразования и модернизации экономических и социальных структур.

Еще более наглядно упомянутое различие отмечается в Конституции Испании 1978 г., где социальные, экономические и культурные права выделены в особый раздел, озаглавленный «Директивные принципы социальной и экономической политики». Указывается, что эти принципы могут быть непосредственно применены судами только согласно соответствующим

шему законодательству. В качестве непосредственно применимых указаны только право на труд и право на образование.

Если обратиться к практике конституционных судов Португалии, Испании и Италии, то обнаружится значительное сходство. Все конституционные суды отвергли мысль о том, что рассматриваемые права имеют лишь программный характер. Соответствующие конституционные нормы признаны обязательными. Вместе с тем ни один из этих судов не считал, что относящееся к материальному благосостоянию содержание этих прав может быть принудительно обеспечено, если отсутствует имплементирующее их законодательство. Такого рода позиция конституционных судов объясняется не какими-либо недостатками конституционных норм, а осознанием того факта, что можно обеспечить лишь те права, для которых имеются необходимые социальные и экономические условия.

Важным условием непосредственного применения судами договорных норм является их официальное опубликование. Так, Закон Азербайджанской Республики «О международных договорах» устанавливает, что в Азербайджанской Республике непосредственно действуют «положения официально опубликованных международных договоров Азербайджанской Республики». Данное предписание важно и в том аспекте, что практике европейских стран известно много случаев, когда суды отказывались применять неопубликованные договоры.

В современный период международные договоры Азербайджанской Республики оказывают растущее влияние на содержание ее правовой системы. Они все чаще касаются прав человека и юридических лиц. Поскольку азербайджанское законодательство пока лишь в общих чертах регулирует этот процесс, то в правоприменительной сфере на первых порах одним из способов разрешения возникших трудностей является расширительное судебное толкование международного договора.

Судебное толкование норм международного договора опирается на общую теорию и практику толкования права. При толковании исходят из того, что каждая норма разумна, содержит разумное правило. Толкование нацелено на реализацию закона или соглашения, а не на превращение их в мертвую букву. Вместе с тем, толкование не должно противоречить закону, вести к его нарушению.

Судебная практика придает первостепенное значение тексту нормы. Вместе с тем, необходимо помнить об опасности формального толкования, следования лишь букве закона. При толковании необходимо учитывать не только букву, но и намерения сторон в договоре.

Помимо общеправовых правил толкования суд, применяя нормы международного договорного права, руководствуется и специфическими правилами, существующими в этом праве. Остановимся главным образом на тех, которые применяются при решении вопросов, возникающих во взаимодействии международного и национального права. Их можно разделить на два вида: к первому относятся правила специально юридического тол-

кования, при помощи которых определяется место международной нормы в рамках национальной правовой системы; ко второму - правила выяснения содержания нормы.

К первому виду относится прежде всего принцип благожелательного отношения к международному праву, ядром которого является презумпция соответствия национального закона международному праву. Этот принцип базируется на том, что в намерения законодателя не входило нарушение международного права. Поэтому в случае противоречия между национальной и международной нормой первая должна толковаться в свете второй, разумеется, в разумных пределах.

Законы далеко не всегда достаточно точны. Их положения допускают разное толкование, встречаются и пробелы, порою одни нормы противоречат другим и т.п. В результате на долю суда остается значительный объем толкования. Уточнение закона осуществляется с учетом норм международного права. В результате, несмотря на неоднократные подтверждения судами того, что толкование национального права в свете права международного не должно вести к импорту последнего, такой импорт в определенной мере все же имеет место. Такое толкование представляет немаловажный канал косвенной инкорпорации международного права, включения его норм в правовую систему страны.

Показательно, что даже в такой консервативной правовой системе, как британская, наблюдается тенденция к более внимательному отношению к международному праву и установленным им правилам толкования. Вопреки предшествующей практике суды стали ссылаться в своих решениях непосредственно на тексты договоров, в том числе и на тексты на иностранном языке, т.е. применяя правила толкования, содержащиеся в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Появились решения, содержащие ссылки даже на подготовительные материалы договоров. Имеют место случаи обоснования судебных решений ссылками на труды иностранных ученых и на решения зарубежных судов. В решениях подчеркивается, что закон должен толковаться в свете международного права, каким оно является в момент толкования.

Обратимся теперь ко второму виду правил, которые относятся к толкованию норм международного права как таковых. Впервые основные из этих правил были кодифицированы Венской конвенцией 1969 г. Так, в соответствии с ч.1 ст. 31 указанной Конвенции «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора»[3].

Из этого видно, что основным объектом толкования является контекст. Вместе с тем, при толковании необходимо учитывать системный характер договорного акта, не отрывать одни постановления от других. Особо подчеркивается значение целей договора, т.е. принимаются во внимание не только буква, но и «дух» договора, его цели. Толкование не должно быть

формальным и ограничиваться лишь текстом, следует учитывать и объект договора, то есть регулируемые им отношения.

Конвенция использует термин «контекст» не случайно. Под этим понимается не только сам текст договора, включая преамбулу и приложения, но и сопутствующие ему акты, принятые всеми участниками переговоров. Наряду с контекстом при толковании учитываются последующие соглашения участников и нашедшая общее признание практика. Наконец, договор должен толковаться как элемент международно-правовой системы, в свете любых соответствующих норм международного права, применяемых в отношениях между участниками.

Все эти правила сформулированы в Венской конвенции относительно толкования международных договоров, однако применимы и к обычным нормам, которые также должны толковаться добросовестно в свете своего объекта и целей.

При толковании принимаются во внимание также соответствующие соглашения и практика государств. Любая обычная норма толкуется с учетом других международных норм, применяемых между соответствующими государствами. А если обычная норма воплощена в официально признанном тексте, например, в резолюции международной конференции, то применяются и правила толкования текста.

Особые трудности для судов представляет толкование обычных норм международного права. Ведь для этого необходимо обращаться к практике государств, которая далеко не всегда систематизирована, а порою и вовсе недоступна суду. Выход видится в более активном, чем при толковании договоров, использовании заключений министерства иностранных дел. Правда, в результате может усилиться зависимость суда от этого ведомства, позиция которого не всегда беспристрастна. Поэтому суду предстоит также шире использовать труды ученых и прибегать к услугам специалистов.

Обращая внимание на трудности, связанные с применением обычных норм, ни в коей мере нельзя их сильно преувеличивать. Судебная практика многих стран показывает, что суды способны справиться с этой проблемой. Всем национальным судам приходится толковать обычные нормы, но, разумеется, особая роль отводится высшим судам.

Применяя нормы международного договора, суд может столкнуться с тем, что между ними имеются расхождения. Прежде всего следует путем толкования устранить расхождения, сблизить, согласовать содержание норм. Если это окажется невозможным, то следует руководствоваться такими правилами: в случае противоречия между обычной нормой общего международного права и договором применяется договор как устанавливающий исключение из общего правила, разумеется, если речь не идет об императивной норме, отклонение от которой недопустимо даже путем соглашения. При расхождении постановлений разных договоров также прибегают к сближающему их смысл толкованию. Если же это не удается, то

руководствуются правилами, содержащимися в Венской конвенции о праве международных договоров.

Современная процедура интерпретации международных договоров, в том числе и судебного толкования, определяется рядом моментов, зафиксированных в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. К важнейшим из них относятся правила о том, что в процессе судебного толкования:

- а) соблюдаются положения об объекте и целях договора;
- б) термины договора понимаются в их обычном значении;
- в) последующие соглашения и международная практика применения договора учитываются при применении отдельных норм договора.

Соблюдение этих принципиальных моментов призвано способствовать эффективному применению национальными судами норм международного права при рассмотрении споров, отягощенных «иностранным элементом».

В силу Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. международный договор является недействительным вследствие нарушения компетенции заключать договоры; ограничения правомочия на выражение согласия государства; наличия ошибки; обмана; подкупа представителя государства; принуждения представителя государства; принуждения государства посредством угрозы силой или ее применения; противоречия договора императивной норме международного права.

Как известно, законодательство Азербайджанской Республики не предусматривает процедуру применения норм международного права, включая процедуру признания международного договора недействительным. Закон Азербайджанской Республики «О международных договорах» вообще умалчивает о возможности признания международного соглашения недействительным.

Нельзя не согласиться с мнением А.Н.Талалаева, который подчеркивает, что «действительность международного договора, как и сам договор, - понятия исключительно международного права. Конституции и другие внутренние законы не могут определять условия и основания недействительности договора, поскольку они не являются источниками международного права»[4].

При отсутствии соответствующего законодательного урегулирования для разрешения данной ситуации можно было бы использовать метод аналогии права, являющийся согласно теории права одним из средств восполнения пробелов в праве. Тут ориентирами могут быть, кроме общих положений национального права, общепризнанные принципы и нормы международного права.

Гражданское законодательство большинства стран подразделяет недействительные сделки на оспоримые и ничтожные. К примеру, если сделка совершена в результате обмана, то такая сделка признается оспоримой. Если гражданско-правовой договор противоречит законодательст-

ву, то он является ничтожным. Особенность оспоримых сделок заключается в том, что они могут быть признаны недействительными исключительно в ходе судебного разбирательства. Однако сделка является ничтожной независимо от такого признания. Иными словами, сам факт наличия противоречия между положениями договора и действующим законодательством свидетельствует о недействительности такой сделки.

Венская конвенция о праве международных договоров, следуя данной классификации недействительных договоров, также предусматривает, что международные договоры, противоречащие императивным нормам международного права, или заключенные в результате принуждения государства посредством угрозы силы или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе ООН, являются ничтожными.

Иные основания недействительности международных договоров дают основание говорить об оспоримых соглашениях.

Представляется, что договоры, заключенные в результате нарушения компетенции, ограничения правомочия на выражение согласия государства, наличия ошибки, обмана представителя государства, подкупа или принуждения представителя государства, являются оспоримыми и для признания их недействительными необходимо обращение в международные судебные организации, т.е. решать вопрос на международном уровне. А.Н.Талалаев в Комментарий к Венской конвенции о праве международных договоров справедливо отмечает, что «ничтожные договоры обладают абсолютной недействительностью и могут быть признаны таковыми и в одностороннем порядке» [5]. Так, в 1989 г. Съездом народных депутатов бывшего СССР была признана недействительность секретных протоколов между СССР и Германией о разделе «сфер интересов» в Европе в 1939-1941 гг. [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996, с. 244.
2. Собрание законодательства Азербайджанской Республики, 2002, № 4, Кн.1, ст. 250.
3. Действующее международное право. В 3-х т. Т.1, М., 1999, с.353
4. Комментарий к Венской конвенции о праве международных договоров. М., 1997, с. 130.
5. Там же, с. 147.
6. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1989, № 29, ст. 579.

BEYNƏLXALQ MÜQAVİLƏ VƏ MƏHKƏMƏ TƏCRÜBƏSİ

M.N.SƏMƏDOV

ANNOTASIYA

Təqdim olunmuş məqalədə müəllif tərəfindən Azərbaycan Respublikasında beynəlxalq müqavilələrin tətbiqi problemi araşdırılır. Qeyd olunur ki, müasir dövrdə beynəlxalq hüququn primatı milli hüququn əsas inkişaf istiqamətini təşkil edir. Bununla əlaqədar məqalədə bilavasitə beynəlxalq müqavilələrin tətbiqi mexanizminin ən mürəkkəb ünsürü - məhkəmə təcrübəsinin vəziyyəti, son illər bu sahədə müşahidə olunan müsbət və mənfi məqamlar nəzərdən keçirilir. Bundan başqa, beynəlxalq müqavilənin məhkəmə təfsiri ilə bağlı bir sıra dəyərli təkliflər irəli sürülür.